

НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Scientific publication
of archival documents

А.В. ГАНИН,

г. Москва, Российская Федерация

**АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО
ВОЕННОГО УЧЕНОГО А.А. СВЕЧИНА.
1931–1932 гг.**

Ganin A.V.,

Moscow, Russian Federation

**An archival investigation case of military
researcher A.A. Svechin in 1931–1932**

Аннотация

В 1930–1931 гг. в СССР развернулось дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», направленное против бывших офицеров в РККА. Несмотря на ряд публикаций, это дело остается практически неизученным. Материалы дела хранятся в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины. Ярких личностей, арестованных в рамках «Весны», было немало. Протоколы их допросов содержат ценнейшие материалы по военно-политической истории нашей страны. В статье впервые вводится в научный оборот архивно-следственное дело выдающегося отечественного военного ученого и теоретика А.А. Свечина, арестованного по делу «Весна» в 1931–1932 гг. Впервые полностью публикуются все показания Свечина, касающиеся событий Гражданской войны в России, истории русской армии, жизни бывших офицеров в Советской России и СССР, взаимоотношений в кругу генштабистов. Проанализирована логика следствия и тактика подследственного, сделаны выводы об особенностях политических репрессий того времени на примере дела А.А. Свечина. Публикация материалов дела Свечина дает возможность заполнить лакуну в биографии выдающегося

Окончание. Начало см.: Вестник архивиста. – 2014. – № 2 [The end. The beginning was in “Herald of an archivist”. 2014. № 2].

отечественного военного деятеля, его показания содержат интересные данные о взаимоотношениях в кругу бывших офицеров, оставшихся в СССР. Следственное дело Свечина вполне типично и напоминает аналогичные дела других бывших офицеров, арестованных по делу «Весна». Открывают дело достаточно объективные показания, касающиеся эпохи революции и Гражданской войны, 1920-х гг., взаимоотношений «бывших». Затем следуют признательные саморазоблачительные показания, где подследственный кается в принадлежности к организованному контрреволюционному подполью. Далее дело содержит показания на товарищей по службе, которые обвиняются в тех же проступках. Документальных подтверждений контрреволюционных проявлений в деле не содержится. Материалы дела «Весна» свидетельствуют об одном из этапов процесса «закручивания гаек» советским руководством, взявшем курс на создание крупной индустриальной державы и искоренение малейших проявлений инакомыслия.

Annotation

In 1930–1931 in the USSR turned the case of the all-Union military officer counterrevolutionary organization “The Spring” directed against former officers in the Red army. Despite a number of publications, this case remains practically unexplored. The materials are stored in Departmental archives of the security service of Ukraine. There were many bright individuals arrested as part of the “The Spring”. Protocols of their interrogations contain valuable materials on military-political history of our country. An article on the basis of the archival data introduces for the first time into scientific circulation the investigation materials of the outstanding Russian military scientist and theorist, A.A. Svechin, arrested on the case of “The Spring” in 1931–1932. All the evidences by Svechin are fully published for the first time. They cover the events of the Russian Civil war, history of Russian army, the life of the so called “former” officers in the Soviet Russia and the USSR, the relations in the circle of former General Staff officers. The logic of the investigation and tactics of the detainee is analyzed and the conclusions on the peculiarities of political repressions of that period from the Svechin case are made. Publication of the materials of Svechin case gives an opportunity to fill a gap in the biography of an outstanding Russian military leader, his testimony contains interesting data about the relationship in the circle of former officers remaining in the USSR. The investigation materials are quite typical and similar in the other cases of former officers. The file is opened by an objective evidence relating to the epoch of the revolution and the Civil war and the 1920s and to the relationship of the «former». Then they are followed by self-incriminating testimonies, where Svechin repents of belonging to an organized counter-revolutionary underground. Further, it contains testimonies on his comrades, who were accused of the same offences. But there is no documentary evidence of counter-revolutionary manifestations. The materials of the case “The Spring” testify to one of the stages of “crackdown” by the Soviet leadership, committed to the establishment of large industrial power and eliminating any manifestations of dissent.

Ключевые слова

Источники, А.А. Свечин, дело «Весна», политические репрессии, генштабисты, РККА.

Keywords

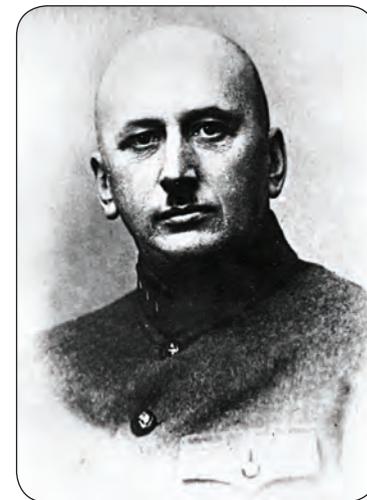
Sources, A.A. Svechin, “The Spring” case, political repressions, General Staff officers, Workers and Peasants Red army.

Следующий допрос датирован 24 февраля 1931 г. Свечин осветил теперь свои зарубежные контакты: «В 1921 году в Москве, проходя по Арбатской площади, я встретил быв[шего] прапорщика 6 Финляндского стр[елкового] полка Галиоф, имя и отчество мне неизвестны, который узнал меня как бывшего своего командира полка и радостно меня приветствовал. Поздоровавшись с ним, я осведомился, что он делает в Москве. Он заявил, что является сотрудник[ом] Польской репатриационной миссии. Я торопливо распрощался и ушел. Больше его не встречал; никаких разговоров у меня с ним не было.

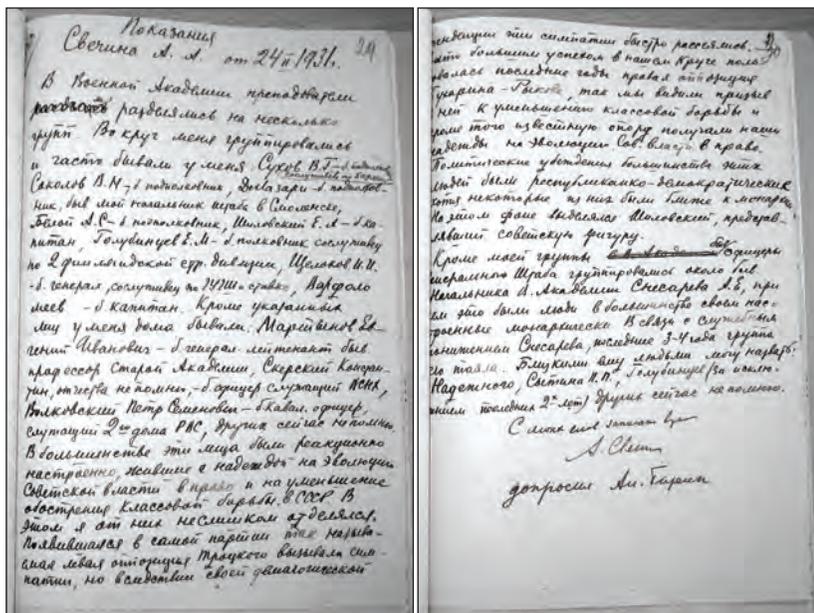
В 1922, может быть, в начале 1923-го года, ко мне на квартиру, улица Кропоткина, д. № 14, явился неизвестный мне человек, от-рекомендовавшийся мне дипкурьером эстонской миссии и передавший мне письмо от Дмитрия Капитоновича Лебедева, быв[шего] полковника Генштаба, быв[шего] редактора журнала “Военное дело” до 1920 года, уехавшего за несколько месяцев до этого в Эстонию.

Письмо было незначительное и содержало просьбу дать ему сведения как живут оставшиеся в России его друзья, быв[шие] офицеры. Ответ он рекомендовал переслать через подателя письма.

Пришедший ко мне сказал, что он привез от Лебедева небольшие подарки (что-то съестное). Я отказался от подарков.

А.А. Свечин.
A.A. Svechin

Протокол допроса. Публикуется впервые.
Transcript of interrogation. Published for the first time

Подателю я сказал, что ответ я пошлю по почте; все же перед своим отъездом за границу неизвестный зашел ко мне вторично. Я ему еще раз сказал, что, если буду писать, то только по почте. После этого он ко мне больше не заходил. Об этом посещении я никогда в известность не ставил. Года через два мне стало известно, что Д. Лебедев занимается разведкой на СССР. Случайно встретив Г.И. Теодори¹ вскоре после посещения меня эстонцем, я рассказал ему об этом эпизоде, на что он мне сообщил, что такой же посланец с письмом от Лебедева приходил и к нему, но он немедленно позвонил об этом в ОГПУ.

До отъезда Лебедева за границу он проживал некоторое время в помещении эстонской миссии. Я был у него и у его жены два раза. Меня угощали водкой. Возможно там присутствовали сотрудники миссии, но кто, не помню.

Не помню, разговаривал ли я с военным атташе эстонской миссии.

Об этих посещениях эстонской миссии я также никому не донес.

Разговоров о назначении Лебедева на работу в Эстонию по разведке не было, равно не было никаких предложений мне.

В 1928 году в Большом театре я встретил японского военного атташе и его помощника, у которых незадолго до этого я был на приеме (обеде) у него на квартире с представителем 4 управления² Будкевичем.

Японский атташе, встретив меня в коридоре театра, остановил меня и поговорил со мной минут пять. Разговор шел о военной литературе, в частности, какую книгу я пишу в настоящее время.

Об этой встрече с японским военным атташе я не донес.

Во Франции в г. Ницце проживает мой старший брат Михаил Андреевич Свечин (54 лет), быв[ший] генерал-лейтенант. Перед революцией он командовал кавалерийским корпусом на Сев[еро]-Западном фронте. В феврале 1918 года он уехал на юг. Позднее он был назначен послом от [П.Н.] Краснова³ в Париж. Вернувшись в Россию, он проживал на Дону около Таганрога, до мобилизации его [А.И.] Деникиным, с которым он и эвакуировался в Югославию; затем переехал в Германию в г. Висбаден, а после оккупации Рура французами поступил к французам на железнодорожную службу. После прекращения оккупации Рура должен был переехать сначала в Париж, а затем в Ниццу, где он служит теперь в качестве бухгалтера в банке. Брат мой Михаил Свечин является близким другом [Н.Н.] Головина⁴, который возглавляет остатки русской академии Генштаба во Франции⁵. Эти показания представляются в целом достоверными.

Брат А.А. Свечина М.А. Свечин в эмиграции.

Brother of A. A. Svechin Mikhail Svechin in exile

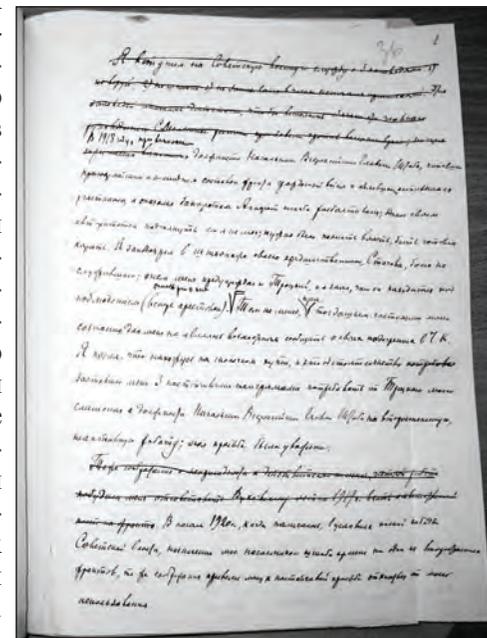
В тот же день Свечин осветил взаимоотношения преподавательского состава Военной академии РККА: «В Военной академии преподаватели разделялись на несколько групп. Вокруг меня группировались и часто бывали у меня: Сухов В.Г. – быв[ший] подполковник, сослуживец по 5 армии, Соколов В.Н. – б[ывший] подполковник, де Лазари [А.Н.] – б[ывший] подполковник, б[ывший] мой начальник штаба в Смоленске, Белой А.С. – б[ывший] подполковник, Шиловский Е.А. – б[ывший] капитан, Голубинцев Е.М. – б[ывший] полковник, сослуживец по 2 Финляндской стр[елковой] дивизии, Щолоков И.И. – б[ывший] генерал, сослуживец по ГУГШ и ставке, Варфоломеев [Н.Е.] – б[ывший] капитан. Кроме указанных лиц у меня дома бывали: Мартынов Евгений Иванович – быв[ший] генерал-лейтенант, быв[ший] профессор старой академии, Скерский Константин, отчества не помню, – б[ывший] офицер, служащий ВСНХ, Волковский Петр Семенович – б[ывший] кавал[ерийский] офицер, служащий 2го дома РВС, других сейчас не помню. В большинстве эти лица были реакционно настроены, жившие с надеждой на эволюцию Советской власти вправо и на уменьшение обострения классовой борьбы в СССР. В этом я от них не слишком отделялся. Появившаяся в самой партии так называемая левая оппозиция Троцкого вызывала симпатии, но вследствие своей демагогической тенденции эти симпатии быстро рассеялись. Зато большим успехом в нашем круге пользовалась последние годы правая оппозиция [Н.И.] Бухарина – [А.И.] Рыкова, так [как] мы видели призыв в ней к уменьшению классовой борьбы и, кроме того, известную опору получали наши надежды на эволюцию Сов[етской] власти вправо. Политические убеждения большинства этих людей были республиканско-демократические, хотя некоторые из них были ближе к монархии. На этом фоне выделялся Шиловский, представлявший советскую фигуру.

Кроме моей группы быв[шие] офицеры Генерального штаба группировались около быв[шего] начальника В[оенной] академии Снесарева А.Е., причем это были люди в большинстве своем настроенные монархически. В связи с[о] служебным понижением Снесарева, последние 3-4 года группа его таяла. Близкими ему людьми могу назвать: Надежного, Сытина П.П., Голубинцева (за исключением последних 2х лет), других сейчас не помню»^б.

Итак, Свечин указывал на то, что вокруг него сложилась более близкая Советской власти группа военспецов, а вокруг Снесарева – менее близкая, монархически настроенная. В тот же день Свечин дал еще одни показания, посвященные бывшему главкому С.С. Каменеву. По всей видимости, следователь обратил внимание на характеристику Каменева из первого допроса Свечина и попросил осветить этот вопрос подробнее для сбора компрометирующих Каменева данных.

Свечин показал: «В 1918 году в сентябре или октябре месяце ко мне, как к начальнику Всероссийского главного штаба поступил приказ от Троцкого выбрать наиболее пригодного офицера Генерального штаба для назначения на должность командующего Восточным фронтом. Я остановился на выборе С.С. Каменева, который был известен мне как дельный работник оперативного отделения штаба Виленского военного округа и штаба I армии в мировую войну, а в службе завесы Западного фронта выделился как дельный руководитель Невельского участка. К этому времени С.С. Каменев являлся моим преемником по руководству Смоленским участком, где он также проявлял полную согласованность с требованиями его комиссаров. С.С. Каменев теснил некоторых сотрудников, оставшихся ему от меня в наследство. В частности – начальника штаба де Лазари. В то время все офицеры старой армии, поступившие

Собственноручные показания Свечина.
Публикуется впервые.

Autographic evidence by Svecchin.
Published for the first time

на службу в Красную армию, считали, что они приняли обязательство сражаться против внешнего врага на Западном фронте и более чем неохотно смотрели на какое-либо использование их в связи с Гражданской войной (даже печатание топографических карт районов гражданского фронта считалось предосудительным).

Под этим настроением С.С. Каменев расценил назначение его на Восточный фронт как незаслуженную обиду, вызванную происками де Лазари около меня. Эту оценку он выразил в жалобах, посланных по телеграфу Троцкому и Склянскому на меня. С моими объяснениями Склянскому, что в назначении Каменева я пользовался только соображениями целесообразности, последний согласился и подтвердил приказ Каменеву ехать на Восточный фронт.

Со мной С.С. Каменев помирился лишь года через 3–4, а де Лазари остался с ним во вражде и по сейчас»⁷. Этот допрос также провел оперуполномоченный Гириш. Текст был отпечатан на машинке в 8 экземплярах.

1 марта Свечина допрашивал уполномоченный 4-го отдела Особого отдела ОГПУ Л. Перлин, на этом допросе Свечин оговорил себя и изобличил в контрреволюционной деятельности. Он показал: «Желая покончить со всем прошлым, которое давило меня до сих пор и связывало мою идеологию и мое мировоззрение, и не давало легко и честно воспринять все новое, что дает Советская власть и толкало меня постоянно на занятие двойственной позиции, решив войти в общественно-политическую жизнь совершенно иным, чем я был до сих пор, я приношу свое искреннее раскаяние в допущенных мною контрреволюционных деяниях.

Советскую власть я встретил враждебно, и никогда полностью ее не воспринял. Мы, бывшие офицеры старого Генерального штаба, потерявшие те привилегии, то положение и те перспективы, которые сулило нам прошлое, очутившись в условиях Советской власти, в течение всего периода ее существования переплетали свое враждебное отношение к ней с надеждой на перерождение Советской власти в буржуазно-демократическую республику, которая открыла бы для нас большой простор и большую свободу. Отказ от прежних форм НЭПа больно ударил по этим надеждам, связывавшимся с расчетом на перерождение Советской власти. Расцвет же правого уклона их оживил; потеря позиций правого уклона в госу-

дарственной партии усилила в нас демобилизационных, пораженческих и контрреволюционных настроений.

В организацию бывших офицеров Генерального штаба, создавшуюся на почве указанных выше настроений, я был введен А.Е. Снесаревым в 1923 г. Основная цель этой организации – объединение и сплочение, посредством пропаганды, бывшего офицерства, которое могло бы в критический момент послужить своей родине. В организацию входили: Снесарев, Новиков – кавалерийский генерал, Сухов, Голубинцев, Брусиллов, [В.Н.] Готовский, [А.Л.] Певнев, Н.С. Беляев, А.И. Верховский, [Н.Я.] Капустин (умер) и другие. Более авторитетными являлись я, Снесарев, [С.Г.] Лукирский, Брусиллов – при жизни; мы имели каждый свою группу. В моей группе более близкими мне являлись Сухов и Соколов В.Н. Снесарев имел более широкую группу и был более активен. Что касается группы Лукирского, то этой группы я не знаю. Верховскому мы не доверяли и не могли простить ему его роль во время Корниловщины и как министра при Временном правительстве, а также вследствие его склонности к политическим перелетам и быстрого освоения с новыми режимами, а потому особенно тесной связи мы с ним не имели, но он стремился блокироваться с нами; так, в 1919 г. после приглашения Троцким его в Красную армию он зашел ко мне и просил совета о поступлении в Красную армию; я ему не советовал и предложил ему лучше устроиться в тылу и не принимать участия в Гражданской войне. В дальнейшем, будучи в Военной академии, он стремился сблизиться с нами.

С 1 января 1929 г. до сентября 1929 г. я от организации отошел и не поддерживал отношений со Снесаревым. Когда я появился осенью 1929 г. у Снесарева, у него были Новиков и другие. Во время разговора со Снесаревым ко мне подошел Новиков и громко поставил вопрос: “Скажите, с кем Вы – с нами или с большевиками”. Я ответил: “Понятно, с вами”. Этим самым заявлением я фактически снова вошел в организацию.

Новое наступление революции, ликвидация кулачества как класса, возможность восстаний внутри страны, реальная угроза войны вызывали мысли о возможности падения Советской власти и в связи с этим об ориентировке относительно линии поведения. В этот период возникают вопросы среди нас о шансах восстаний в

стране и возглавлении их. У меня имелись разговоры о восстании только со Снесаревым, Соколовым и, кажется, Ф. Новицким.

В нашей организации я играл только роль одного из идеологов и никакой практической работы не вел, за исключением агитационной работы. Если я вспомню те или иные факты, здесь не упомянутые, касающиеся нашей организации, как, например, о членах организации, которых я сейчас не припоминаю, я изложу дополнительно»⁸. Фактически последним заявлением признавалось, что если следствию потребуется скомпрометировать кого-либо еще, Свечин такую бумагу подпишет.

Тот же Перлин допрашивал Свечина и 6 марта о Д.К. Лебедеве. Свечин показал: «Начало моего знакомства с Д.К. Лебедевым относится к 1908 году. До революции я поддерживал с ним лишь редкие сношения, так как ясно видел его ничтожество в научном литературном отношении, а его пронырливость и торгашеские склонности являлись отталкивающими. Знакомство стало более тесным с августа 1918 г., когда я приехал в совершенно незнакомую мне Москву, где семья Лебедева являлась единственным продолжением старого знакомства. В квартире Лебедева я встречал самый радужный прием; особенно старалась угодить мне его жена, Евгения Иеронимовна (кажется). Лебедев стремился монополизировать все военно-издательское дело в Союзе⁹. Он заведовал помимо издательства и редакции “Военного дела” издательством “Военно-исторической комиссии” и даже брал поручения от штаба, когда последнему нужно было быстро издать брошюру или книгу. Мои отношения к нему – первого тенора к антрепренеру. Я мог заниматься научной работой, а Лебедев с утра обегал передние всех высокого положения лиц, и преодолевал все практические трудности жизни, в которых я всегда оказывался бессилён.

Весной 1920 журнал “Военное дело” был закрыт, и Лебедеву запрещена всякая редакторская работа. Мера разумная, но предлог – помещение статьи Б.[М.] Шапошникова, одобренной комиссаром штаба [Д.И.] Курским – был вопиюще несправедлив. Лебедеву удалось посеять среди своих знакомых чувство протеста против такого несправедливого угнетения. Он энергично поддерживал антисоветские настроения, в частности, действовал на меня указанием на те нападки на Военно-историческую комиссию, будто бы

мы занимаемся Александром Македонским, что было совершенно несправедливо.

Замыслив эмигрировать в Эстонию и заняться враждебной деятельностью к Союзу, Лебедев не только не открылся друзьям, но начал систематическую обработку их. Его жена, которую мы все ценили гораздо выше Лебедева, оказалась страстной русской патриоткой, для которой эстонское общество нестерпимо; относительно отрицательных черт эстонского мышления на выражения не скупилась. Расстаться с Москвой – лучше умереть; одна надежда, что добрые друзья не забудут и установят переписку; в эстонском окружении простая строчка от русского сердца – сердечный бальзам. Сам Лебедев говорил, что он будет преподавателем маленькой эстонской военной академии под начальством [А.К.] Байова; придется вести занятия по многим предметам, к которым он вполне не подготовлен; он просто будет читать по-эстонски то, что мы читали здесь по-русски. Конечно, он будет бесконечно обязан нам, если мы будем высылать ему новинки. Для него это тем важнее, что, конечно, преподавательская деятельность не удовлетворит. Он прирожденный издатель и разовьет в Эстонии большое издательское дело. На мое сомнение, что таковое возможно было бы при ограниченном круге эстонских военных читателей, Лебедев говорил, что он будет печатать и по-русски, пристраивать издания на других языках, в частности, [на] латышском. Начало он положит изданием трудов Вацетиса, которые заказывал и скупал еще давно, пользуясь кредитами “Военного дела”. На мои сомнения он возразил, что в Латвии они разойдутся нарасхват, и будут раскуплены и на других языках. Я был убежден в фактической неосуществимости планов Лебедева, но только пожимал плечами; удивительно, что ему удалось усыпить наши сомнения.

Неожиданно пришло сведение, что он укрылся в эстонское посольство. Связь с внешним миром и, в частности, со мной Лебедев поддерживал через своего племянника, впоследствии расстрелянного. Как мне теперь представляется, очередной задачей Лебедева являлось теперь несколько скомпрометировать своих знакомых, чтобы постепенно подготовить их к конспиративным действиям, поставить в зависимость от себя и перевести антисоветские на-

строения на рельсы шпионажа. Но Лебедев действовал осторожно, и пока я от него ничего о чем-либо секретном не слышал. В это время я увлекался [Г.] Дельбрюком, работал над историей и был очень плохо осведомленным о жизни и реформах Красной армии. Но Лебедеву, по-видимому, чтобы придать себе значение в Эстонии, нужно было демонстрировать меня в качестве своего друга в эстонском посольстве. Ко мне посыпались просьбы навестить бедную Евгению Иеронимовну, которая во мне души не чаёт и которая никак не может привыкнуть к органически антипатичным ей эстонцам. В то время (1921) представление о том, что иностранное посольство на территории СССР¹⁰ совсем не то, что посольство одной буржуазной страны на территории другой буржуазной страны, не было еще мною осознано. Однажды вечером, когда я скучал, я согласился, и бравируя, отправился с племянником Лебедева. Момент оказался для последнего неудачным: в посольстве никого не было и показать меня было некому. Меня угощали и вели разговор на самые мирные темы, что еще усыпило мою бдительность. Лебедев просил меня зайти еще раз проститься перед отъездом. Они мне сказали, что перед посольством обычно дежурят три советских агента, но мало бдительны. Даже это напоминание не образумило меня, – я действовал открыто. Во второй мой приход “процентно”¹¹ меня угощали Лебедевы довольно простым обедом в своей комнате. После обеда зашли навестить Лебедева пожилой человек, по-видимому посол и молодой человек, военный агент (был ли он в военном или [в] штатском – не припомню). Посол, обменявшись несколькими любезными словами, ушел; военный агент остался и вступил в общий разговор. Я держал себя прилично, но не протестовал против умеренных антисоветских замечаний, которые вставлял Лебедев. Военный агент с уважением отозвался о Красной армии (весь разговор и все события этого вечера сохраняются у меня в памяти 10 лет, несмотря на все мои усилия, очень туманно) и участливо обратил внимание на трудное положение старых военных специалистов в революционной армии. Затем, ряд комплиментов по моему адресу, как кажется, который высоко ценит эстонская армия, и полная готовность оказать всякое содействие, в особенности если я захотел бы продолжить переписку с Лебедевым. Лебедев своим поведением при военном

агенте стремился подчеркнуть свою близость ко мне (“дружище” и пр.), утрировал и шокировал меня. Несмотря на то, что я выпил 4 и[ли] 5 рюмок водки, я язык не распускал, но гостеприимство хозяев остановило меня, когда я хотел сказать, что пришел, чтобы попрощаться навсегда и переписки с Лебедевым больше не будет. Жена Лебедева заметила, что она будет мне присылать из Эстонии вкусные вещи – только это замечание можно было рассматривать как попытку подкупа. Заметив, что я собираюсь уходить, военный агент сказал, [что он уходит] чтобы оставить меня наедине с Лебедевыми.

Несколько поцелуев – явно предательских со стороны Лебедевых, “пишите” с их стороны, уклончивый ответ с моей стороны, и я отряс прах моих ног от территории посольства с изрядно мерзким осадком в сознании.

Через некоторое количество месяцев, утром в мою комнату постучал бедно одетый, с растерянным, озирающимся видом, наводящим на подозрение, человек и передал письмо Лебедева. Насколько помню, начиналось оно явно антисоветскими выпадами, содержало несколько сообщений, в том числе о неудаче какого-то советского военного судна у берегов Эстонии, затем сообщение о скукающей жене и просьба дать весточку о себе и друзьях, о том, что мы делаем и что у нас делается. Было ли в письме сообщение о небольшой съестной посылке (2 плитки шоколада и больше ничего) или об этом сказал посыльный, не помню. Последнему рекомендовалось оказать абсолютное доверие как курьеру посольства. Он заявил, что плиток шоколада с собой не принес и спрашивал, принести ли их, напишу ли я сейчас ответ или зайти потом. У меня колебаний не ответить Лебедеву не было; я сказал сначала, что если найду необходимым дать ответ, то воспользуюсь почтой; затем мелькнула мысль, что дело требует размышления и не плохо, может быть, было бы организовать засаду и забрать посланца. Я ответил – приносите, что у Вас есть и зайдите еще раз. Письмо мной было три раза подряд прочитано и затем разорвано в мелкие кусочки. Я получил моральный шок, оскорбление.

Сейчас затрудняюсь сказать, почему я не донес в ОГПУ и отказался от устройства засады. Было ли это сознание, что своим легкомысленным посещением эстонского посольства я дал основа-

ние Лебедеву сделать следующий шаг; было ли это следствие того, что почувствовал облегчение от того, что еще не дошел до момента, когда человеку предлагают подкуп, но никакого решения относительно засады во мне не созрело до следующего дня, когда вошел растерянный посланец с двумя плитками шоколада. Я сообщил ему, что никакого ответа не будет, и он исчез полным ходом. Может быть, если было бы 2 бутылки шампанского вместо 2 плиток шоколада я позвонил бы в ОГПУ. Последнее, как мне вскоре стало известно, сделал Теодори.

Больше никаких сношений с Лебедевым Д.К. и эстонцами у меня не было. Настоящее показание разнится от предыдущих не вследствие желания моего что-либо скрыть, а потому что эти события были давно мной позабыты и восстановлены в памяти лишь ценой усилий 10 бессонных ночей. О том, что Лебедев организует шпионаж против СССР, я узнал спустя год или два.

Я признаю себя виновным в том:

- 1) Я знал о подготавливавшемся бегстве Лебедева и не донес;
- 2) Я вступил в сношение на территории иностранного посольства с дезертиром Красной армии;
- 3) Усыпленный дружескими отношениями, я не проявил элементарной военной бдительности при начале организации Лебедевым шпионской сети;
- 4) На территории эстонского посольства я позволил в своем присутствии Лебедеву клеветать на Советскую власть;
- 5) Я допустил поведение, которое в глазах эстонского военного агента, вероятно, ложно ориентированного Лебедевым, могло показаться двусмысленным;
- 6) После колебаний я не донес о получении письма Лебедева, хотя последнее в значительной мере открыло мои глаза.

Я жестоко раскаиваюсь в этих преступлениях»¹².

Эти показания в целях самооправдания Свечина уже содержали явный вымысел насчет якобы задуманной им организации захвата курьера эстонского посольства и относительно того, каким моральным ударом для него была продуктовая посылка Лебедева из двух плиток шоколада. Как бы то ни было, подобные контакты с дезертиром РККА действительно могли плохо кончиться для Свечина.

В деле хранятся и показания, написанные лично Свечиным 7 марта 1931 г., но подвергшиеся существенной правке (скорее всего, под руководством следователя 8–9 марта). Приведем эти важные свидетельства полностью, отмечая наиболее существенные разночтения в двух редакциях: «Я вступил на советскую военную службу с 3 заповедями: 1) не воруй; 2) не шпионь; 3) не записывайся в члены нелегальных организаций. Этих заповедей оказалось достаточно, чтобы выполнять обязанности главного руководителя Смоленского района завесы против внешнего врага; но через три месяца выполнения [Предыдущий текст вычеркнут, вместо него вписано: «В 1918 году при выполнении»] должности начальника Всероссийского главного штаба, питавшего красноармейским и командным составом фронты Гражданской войны и являвшегося активным ее участником, я оказался банкротом. Аппарат штаба разбалтывался; одним своим авторитетом подтянуть его я не мог; нужно было показать власть, быть готовым карать.

[В другой редакции далее: «У меня был следующий [слово вписано вместо: “очень сомнительный”] разговор со Стоговым, моим предшественником по должности нач[альника] Вс[ероссийского] главного штаба, о котором меня предупреждал Троцкий, и который находился под наблюдением (вскоре арестован). Увидев его, я спросил: “А вы все бунтуете”. Он ответил: “Нет, всякое вооруженное восстание теперь не стоит в порядке дня; надо ориентироваться и получать хорошую информацию”. Это происходило в конце октября или начале ноября 1918 года, за несколько дней до его ареста. Я заподозрил Стогова в шпионаже, но при тогдашнем состоянии моего сознания для меня не являлось возможным сообщить о своих подозрениях в ЧК. Я понял, что нахожусь на скользком пути, и 3 настойчивыми телеграммами просил Троцкого моего смещения на второстепенную неактивную работу, что и было уважено»¹³].

Я заподозрил в шпионаже своего предшественника [Н.Н.] Стогова, более не служившего; о нем меня предупреждал и Троцкий, и я знал, что он находится под наблюдением (вскоре арестован) [Вписан комментарий: «Описать разг[овор] с ним»]. Тем не менее, при тогдашнем состоянии моего сознания для меня не являлось возможным сообщить о своих подозрениях в ЧК. Я понял, что на-

хожусь на скользком пути, и это обстоятельство заставило меня 3 настойчивыми телеграммами потребовать от Троцкого моего смещения с должности начальника Всероссийского главного штаба на второстепенную неактивную работу; моя просьба была уважена.

Те же соображения о непригодности к действительно полезной, честной работе побудили меня отсоветовать [А.И.] Верховскому летом 1919 г. взять ответственный пост на фронте¹⁴. В начале 1920 г., когда намечалось в условиях полной победы Советской власти назначение мое начальником штаба армии на один из второстепенных фронтов, те же соображения привели меня к настойчивой просьбе отказаться от моего использования.

Переписку с границей я вел в 1924–1927 гг. – с братом, с разрешения комиссара Военной академии, исключительно по почте, 1–2 письма в год. Переписку прекратил по собственному желанию.

В 1929 г. вел с разрешения начальника Военной академии и его помощника Н.Я. Котова переписку с немцем по фамилии Инно (кажется). Означенный немец, купив в Берлине книжку [Е.И.] Мартынова о Корнилове, и, уяснив себе, что Мартынов работал в архиве мировой войны, обратился к последнему с предложением сообщить ему русские данные по сражению у Бржезины осенью 1916 г.¹⁵, а он в ответ готов дать соответствующие справки по мировой войне из дел Рейхсархива. Мартынову таких справок нужно не было; письмо отправил мне, и, получив разрешение, обменялся с Инно нужными справками и использовал их в I томе “Искусства вождения полка” [В другой редакции далее: «Инно просил меня не называть в моем труде его фамилии, так как подлинники документов Рейхсархива считаются без особого разрешения не подлежащими оглашению и не могут быть кому бы то ни было выданы»¹⁶].

Свидания с иностранцами после Октябрьской революции имел: в ноябре 1917 – визит ко мне отъезжавшего японского генерал-майора, состоявшего при штабе V армии (при мне), мой ответный визит и банкет, данный отъезжавшей японской делегацией в Ленинграде¹⁷, в ресторане “Старый Донон”. В том же месяце я по рекомендации бывшего председателя армейского комитета V армии [А.А.] Виленкина присутствовал в Ленинграде на нелегаль-

ном¹⁸ собрании правых эсеров, на котором выступал французский офицер-социалист из свиты Альберта¹⁹ Тома; так как присутствующие плохо владели французским языком, то я выступил в качестве переводчика. В январе 1918 г. был на завтраке у председателя французской военной миссии [А.] Нисселя, с которым находился в переписке раньше, как переводчиком нескольких моих книг на французский язык.

В марте 1918 г. встретил на вокзале французского офицера, капитана графа Либерсака, состоявшего в 1917 г. в Двинске при моем штабе; в марте 1918 г. он пользовался поддержкой со стороны Троцкого, предоставившего в его распоряжение особый вагон [В другой редакции: «В марте 1918 г. встретил на вокзале французского офицера, капитана графа Либерсака, состоявшего в 1917 г. в Двинске для связи при разведывательном отделе моего штаба; граф Либерсак, по-видимому, имел солидную шпионскую деятельность в прошлом и, кажется, провел несколько лет простым рабочим на заводе Крупа; по его словам, после Октябрьской революции он самостоятельно насадил в Двинском районе сеть резидентов и при февральском наступлении немцев передал эту сеть Советской власти, вследствие чего пользовался поддержкой Троцкого, предоставившего в его распоряжение особый вагон»²⁰].

В 1921 г., проходя по Арбатской площади, встретился со своим бывшим прапорщиком Галиофом, начальником обоза II разряда полка; узнав, что он сотрудник польской репатриационной комиссии, сейчас же распрощался. Случай этот описан мной в I томе “Искусства вождения полка”²¹.

О [Д.К.] Лебедеве и встрече с эстонским военным агентом мной дано особое показание. Затем я присутствовал в Военной академии на 4 приемах иностранных военных представителей и военных агентов, на приеме афганского консула, на банкете в Большой Московской гостинице, данном иностранными военными агентами преподавателям академии, и на возвратном²² банкете, данном академией немецким офицерам в гостинице Метрополь.

В присутствии представителя IV управления я с другими преподавателями был на обеде и вечере, устроенном японским военным агентом на своей квартире для преподавателей академии. Через несколько времени встретив у входа в фойе Большого театра

японского военного агента с его помощником (может быть по морской части?), я был остановлен им и поговорил в течение 5 минут антракта на тему о новинках военной литературы. Это было, вероятно, в 1928 г.

На Бобруйских маневрах 1928 г. я обедал в одном вагон-ресторане с немецкой военной миссией и иногда обменивался замечаниями теоретического характера [В другой редакции добавлено: «В 1906–1907 г., когда я исполнял должность начальника штаба Осовецкой крепости, я знал эсера, поручика крепостной артиллерии Бачинского, которому помог уйти на службу в промышленность, не желая скомпрометировать крепость Осовец, и зная, что Бачинский находится под особым наблюдением жандармов»²³].

С эсерами я имел некоторый контакт в 1906–7 гг. (Бачинский), но к моменту февральской революции ни с какими социалистическими партиями [слово заменено на «деятелями»] в связи не был. На посту наштарма V у меня установились прекрасные отношения с председателем армейского комитета талантливым Виленкиным, членом народной социалистической партии. Виленкин все же не посвятил меня и не привлек к юнкерскому восстанию ноября 1917 [г.]. Через него я отправился однажды на описанное выше собрание эсеров, где выступал француз [В другой редакции добавлено: «французский офицер»²⁴], а в марте 1918 г., когда я собрался поступать на советскую военную службу [В другой редакции добавлено: «Я захотел выслушать по этому поводу мнение политического деятеля не коммунистической партии»²⁵], я свиделся с эсером Скобелевым²⁶ и спросил его мнение о поступлении на службу. После февральского наступления немцев оборонческие настроения поднялись столь значительно, что Скобелев сказал – «поступайте на военную службу и служите хорошо». Я со Скобелевым был немного знаком раньше по Двинску (штарм V), куда он приезжал от правительства Керенского [В другой редакции добавлено: «Виленкин мне сообщил, что Скобелев нелегально проживает в его квартире по Скатертному переулку; я отправился туда и спросил его мнение. После февральского наступления немцев оборонческие настроения поднялись настолько значительно, что Скобелев ответил мне: “Поступайте на военную службу и служите хорошо”»²⁷].

На посту председателя военно-исторической комиссии у меня был однажды в служебные часы странный посетитель, который интересовался какой-то вычурной справкой по истории военного искусства XVIII века, спрашивал, не возьмусь ли я приискать соответствующую литературу, за которой он пойдет потом. Я ничего не понял, указал литературу по вопросу, сказал, что у меня есть своя работа и приискывать справки я не могу. Разочарованный посетитель ушел, не объяснившись. Когда я потом говорил со служащими о странном посетителе, один из служащих выразил уверенность, что это был эсер, которого я должен был знать, но который изменил свою наружность. Фамилию этого эсера второстепенного (не [Б.В.] Савинков, не [В.М.] Чернов) не припомню. Было, вероятно, в 1921 г.

Когда Виленкин был арестован, я в августе 1918 г. был на Лубянке, видел [Ф.Э.] Дзержинского и просил за Виленкина, обращая внимание, что, если Виленкин даст слово не выступать против Советской власти, он его сдержит. Дзержинский принял во внимание мое ходатайство, и Виленкин был на пути к освобождению, когда выстрел в Ленина повлек его расстрел, в числе других²⁸.

В 1926 или 1927 [гг.] получил из Парижа письмо от бывшего офицера штарма V Генерального штаба [Н.Н.] Пораделова, заведовавшего в 1917 г. выпуском армейской газеты, эсера или близкого к ним. Пораделов восхищался моей [“”]Стратегией[”], обещал пропагандировать мои труды во французской прессе, сообщил, что очень трудно доставать советские военные книги и просил высылать ему новинки. Я предъявил письмо комиссару, который посоветовал мне ни в какую переписку с Пораделовым не вступать, что мной и было в точности выполнено.

В первой половине 1930 г. я получил по почте прокламацию, плохо отпечатанную на шапирографе или стеклографическим способом, призывавшую красноармейцев не стрелять по восстающим крестьянам. Прокламацию я понес начальнику академии – комиссара не было, но не дождавшись его, передал ее секретарю, тов. Трейц.

За последние годы могу отметить стремление сблизиться со мной адъютанта²⁹ [Ф.П.] Никонова. Я знал последнего с 1919 г., как 1 комиссара и первого слушателя Военной академии, сподвижника

[Н.И.] Подвойского на 1917 и 1918 гг., единственного слушателя старой академии, бежавшего из нее к красным при переходе ее к белым³⁰. Вскоре, однако, Никонов по принципиальным соображениям вышел из коммунистической партии³¹. В 1927 г. Никонов просил меня, чтобы я доложил начальнику академии о его желании стать адъюнктом. В последних был большой недостаток; Никонов и так мог рассчитывать быть принятым, но он непременно желал быть принятым не прямо, а через меня. Длительный стаж в Красной армии, казалось, подействовал на него благотворно. Кроме того, он, по его словам, много работал при Московском университете по истории, в частности, Пугачевского бунта³². Со своей просьбой Никонов явился ко мне на квартиру, хотя я принципиально никого по делам дома не принимал. Просьба Никонова, лично мне чуждого и малосимпатичного, в виду его навязчивости и прилипчивости, отсутствии того юмора, ландскнехтских беспечности и беззаботности, характерных для старых военных специалистов, делавших свое дело и оставлявших истории ответы на вопросы, куда, зачем и для чего, была лишь передана тов. [Р.П.] Эйдеману, причем я предупредил, что Никонов ушел по принципиальным соображениям из партии и я никакой политической рекомендации Никонову дать не могу³³. Никонов был принят в адъюнкты; за 3 года пребывания в академии ему удалось настоять дважды, чтобы я принял его днем на дому для оценки основных тезисов его диссертации об основных этапах строительства Красной армии. Первый раз он приходил в 1928 году; рассмотрение его тезисов убедило меня, что он стоит на почве идеалистической философии и что работа ведется не в надлежащем направлении. Уже тогда у него сказывались какие-то народнические, крестьянские настроения. Второй раз он добился после всяких отговорок с моей стороны³⁴, аудиенции у меня, кажется, в начале 1930 г. Из двухчасового изучения его тезисов я убедился, что вопреки моим указаниям его работа получила обостренную антимарксистскую установку и является ни под каким видом не приемлемой. Я указывал, что для меня непонятна цель такой работы; сколько бы труда на нее не было затрачено, она вызывает со всех сторон только осуждение. Никонов продолжал стоять на своей позиции. Он использовал много источников, в том числе архив и личные указания тов. Подвойского, на которого он

много раз ссылался в течение своего визита. Я убежден, что всякая работа над трудом Никонова является напрасным временем³⁵. Когда 2 часа бесследно ушли на обсуждение его тезисов, деловая часть визита Никонова была исчерпана, я ожидал, что он уйдет, но он еще задержался и излил свои народнические, крестьянские и антисоветские настроения, высказывая свои мысли по крестьянскому вопросу, о гужевой повинности, о хлебозаготовках, о коллективизации сельского хозяйства, к которой он относился резко отрицательно. Разговор это[т] был для меня очень тягостный. Мы, военные специалисты, впадая в правый уклон, также часто критически относились к соответствующим мероприятиям Советской власти, но наше отношение в общем являлось поверхностным, обусловленным не крестьянскими интересами, а заботами о том, как бы смута в крестьянстве не отразилась отрицательно на интересах Красной армии³⁶. Здесь я встретился с идеологией, являвшейся не уклоном, а имевшей совершенно другие корни. Я с облегчением вздохнул, когда Никонов, закончив свою проповедь, ушел от меня, и решил больше никогда не соглашаться на его визиты³⁷. Если я сразу в своем сознании не приклеил к выступлению Никонова ярлыка “эсеровское начинание”, то только потому, что меня сбивало частое и с почтением упоминание Никоновым имени тов. Подвойского [Со слова «частое» вычеркнуто и заменено на «десятилетнее знакомство с человеком, имевшим народническое настроение, получившее теперь обострение»].

Других сомнительных встреч и разговоров не происходило^{38»39}.

Свечин даже избыточно подробно описал свои контакты с иностранцами. Казалось бы, упоминания о непроверяемых встречах 1917–1918 гг. можно опустить. В то же время эти, как представляется, вполне достоверные свидетельства представляют несомненный интерес для историков. Показания Свечина отчетливо рисуют тягостную атмосферу существования бывших офицеров и ученых в СССР, даже в относительно «либеральный» НЭПовский период 1920-х гг., когда, спустя годы, приходилось оправдываться за каждое заурядное личное письмо за рубеж родным или коллегам по профессии, за две шоколадки от старого товарища, когда предосудительным и подозрительным считалось обмениваться материалами или просто что-либо обсуждать с другими.

Удивительно, что подобная обстановка дала хоть какие-то научные всходы.

Наконец, 18 марта прошли последние допросы Свечина следователем Перлиным, касавшиеся настроений старых генштабистов. Показания были получены следующие: «Настроение старых офицеров Генерального штаба в отношении к Германии можно охарактеризовать скорее как германофобское, чем германофильское. В основе лежали не вполне исчезнувшие германофобские чувства со времен империалистической войны, а также малое уважение к германской военной мысли послевоенного периода и к тому ремесленному направлению, которое приняло развитие офицерского корпуса рейхсвера. Проводимые в академии РККА мероприятия, направленные на перенесение на нашу почву методов подготовки, заимствованных у немцев и выдвигавших на первый план ремесленные навыки, популярностью совершенно не пользовались. Мы очень скептически рассматривали новые мысли, вывезенные из Германии ездившими туда для обучения на несколько месяцев красными командирами Эйдманом, Котовым и другими. Сам я получил в 1925 году предложение поехать в командировку в Германию для ознакомления с новыми вопросами военного дела, но отказался от такой командировки, не находя никакого удовольствия от предстоявших при этом встреч как с белыми, так и с немцами. С немецкими офицерами приходилось встречаться на маневрах – Одесских и Бобруйских. Надутые немецкие офицеры решительно никаких симпатий не вызывали, и приходилось слышать о них только отрицательные отзывы.

Гораздо сильнее мы были заражены русофильскими тенденциями. Несмотря на то, что немецкий Генеральный штаб превосходил нас в ремесле, в технике подготовки операций, мы полагали, что превосходим их нашей более широкой энциклопедической образованностью и полагали, что в наших русских условиях нужен совершенно иной подход.

Оценивая общую политическую обстановку, мы предполагали, что Антанта, создавая общий фронт против Советского Союза, вынудит или купит участие в нем Германии, что одно только и серьезно обострит положение на вооруженном фронте»⁴⁰.

В других показаниях того же дня Свечин признавался: «В моей научной и литературной деятельности я проводил свои политические взгляды, находившиеся в части оппозиции и противоречившие установкам Коммунистической партии и Коммунистическ[ого] Интернационала.

Я делал это вполне сознательно, т.к. полагал, что серьезная творческая работа не может идти вразрез со своими политическими взглядами. Не имея других возможностей выступления, я использовал для проведения своих взглядов чтение лекций с кафедры и свои научные труды. Так, в последнее время, по вопросу о темпах, считая, что перенапряжение страны может привести к гибели, я воспользовался случаем замещения преподавателя Белецкого и, читая лекции по экономическому плану войны на факультете экономики войны, остановился на примерах экономического перенапряжения, которые представляли большая программа [П. фон] Гинденбурга в 1916 для Германии и организация Ванькова в России, на их вредных последствиях, указывая на Гете, который провозгласил, что только в приложении правильной меры познается искусство мастера и, таким образом, старался внедрить сомнения в правильность генеральной линии партии. Будучи абсолютно сторонником свободы мысли и слова, я приводил где только мог агитацию в защиту этой идеи. Так, например, даже на академическом банкете в декабре 1930 г. я произнес речь, в которой призывал адъюнктов и молодых преподавателей к смелости суждения и мужеству отстаивания своих взглядов, стремясь толкнуть их к тому, чтобы они не стеснялись становиться в оппозицию к господствующим политическим и научным взглядам, хотя бы во вред своей карьере. В первой части своего труда «Искусство вожделения полка» я вследствие своего мировоззрения, своих политических взглядов и связи с прошлым не мог не стать на точку зрения идеализации старой армии и сознательно старался запечатлеть ее образ в истории с лучшей стороны, тщательно замаскировав все это в приемлемой для советской общественности форме. Я вполне признаю, что очень удачно и правильно расшифровал меня в своей статье (ноябрьский номер «Красн[ой] Звезды» [19]30 г.) тов. Шифрес⁴¹, и что он правильно поставил перед общественностью и перед мною вопрос – с большевиками ли Све-

чин или с белыми; так как, являясь идеологом и носителем к[онтр]р[еволюционных] идей, я, понятно, в своей творческой научной и преподавательской деятельности старался проводить в возможной при советской власти форме свое мировоззрение и свои взгляды. Я указал более яркие примеры из последнего времени, но по существу та же политическая окраска распространяется и на проч[ие] мои труды при Сов[етской] власти»⁴².

В следственном деле других допросов Свечина не сохранилось. Разумеется, определенную роль играли показания прочих фигурантов дела. Учитывая сложный характер Александра Андреевича, его жесткую ироничность, экспансивность, темперамент, в недоброжелателях недостатка не было. Многие фигуранты «Весны» показали, что Свечин участвовал в собраниях георгиевских кавалеров и был одним из лидеров антисоветского объединения бывших офицеров и георгиевских кавалеров⁴³.

Некоторые показания содержали и личностные оценки. Так, бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич 1 марта 1931 г. показал, что Свечин «с 1908 г. наделал мне много неприятностей – неправильных и тяжелых – преимущественно выступая резко против меня в военной литературе... его книга “Стратегия”... с моей точки зрения, практически к делу непригодна и по ней нельзя готовить высший командный состав Кр[асной] армии»⁴⁴.

Генерал А.Г. Лигнау отметил, что Свечин – «весьма беспокойная и деятельная натура, страдающая неизменным духом противоречия, в силу чего способен завтра упорно бороться за то, что решительно отрицал сегодня.

Всеми мерами добивается популярности, не останавливаясь перед демагогическими приемами.

Весьма умен, гибок, увертлив и смел, учитывая дух времени и интересы данного момента.

Не отличается ни прямолинейностью, ни откровенностью в настоящем смысле этих понятий... в период самодержавия Свечин щеголял осторожным и корректным либерализмом»⁴⁵.

По свидетельству генштабиста С.Д. Харламова, Свечин «в молодых чинах был довольно популярен среди молодых генштабистов и рядового офицерства. Отличался смелостью оперативной

мысли, был враг рутины и шаблона. В настоящее время уже начал сильно стареть. Стареет и его авторитет»⁴⁶.

Д.Н. Надежный показал: «А.А. Свечин – с хорошей эрудицией, бойкий, на все критически направленный ум. “Для красного словца не пожалеет и отца”. В своих научных трудах последнего времени находился под большим влиянием Дельбрюка. Не разберешь, когда он критикует только ради критики, а когда – убежденно. В общем, во многих вопросах в разговорах сходился со Снесаревым»⁴⁷.

В апреле 1931 г. уполномоченный 4-го отдела Особого отдела ОГПУ Моряков нашел, что Свечин достаточно изобличен и постановил привлечь Свечина в качестве обвиняемого по статьям 58-4, 58-10, 58-11 УК РСФСР, избрав мерой пресечения содержание под стражей⁴⁸. Примерно в это время, 25 апреля 1931 г., в Ленинграде прошло открытое заседание пленума секции по изучению проблем войны ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР. На заседании прорабатывали Свечина. В том же году стенограмма заседания была издана тиражом 10 000 экземпляров под названием «Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина»⁴⁹. Возглавлял проработку командующий войсками Ленинградского военного округа М.Н. Тухачевский. Лейтмотивом собрания было очищение военной мысли от взглядов опального военного ученого. Чем могла закончиться подобная травля в тот период, пояснять не приходится.

Примечательно, что в августе 1937 г., когда Тухачевский уже был расстрелян, Свечин в автобиографии отметил, что травля была организована Тухачевским по заданию германской разведки, т.е. использовал практически те же приемы. Собственно, арест в 1931 г. в автобиографии 1937 г. Свечин объяснил происками Тухачевского и поддержанием отношений со Снесаревым, несмотря на рост антисоветских настроений последнего. При этом свое освобождение из-под стражи Свечин ставил в заслугу К.Е. Ворошилову⁵⁰. Тем не менее, эффектные построения – во многом, совпадавшие с реальными фактами обвинение «врага народа» Тухачевского в травле и заискивание перед «первым маршалом» не спасли Свечина от нового ареста и расстрела.

Комдив А.А. Свечин.
Не ранее 1935 г.

Divisional commander A.A. Svechin.
Not earlier 1935

Постановлением Коллегии ОГПУ от 18 июля 1931 г. Свечин был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по обвинению в антисоветской деятельности. Срок считался со дня ареста 21 февраля 1931 г.⁵¹ В тот же день приговор был вынесен и его другу, выдающемуся отечественному военному деятелю А.Е. Снесареву. Свечина отправили в Свирлаг ОГПУ (там же отбывал срок и Снесарев), однако 22 октября по распоряжению заместителя председателя ОГПУ В.А. Балицкого он был вызван в Бутырский изолятор ОГПУ, куда доставлен 2 ноября⁵². В Москве Свечин числился за помощником начальника секретно-политического отдела ОГПУ Г.С. Люшковым – впоследствии знаменитым перебежчиком из СССР. Супруга Свечина, Ирина Викторовна (Ольхина), обратилась в Особый отдел ОГПУ 4 января 1932 г. с просьбой передать доверенность от мужа на получение его облигаций на заем, оставшихся в Военной академии РККА⁵³. Однако уже 7 февраля 1932 г. на основании пересмотра дела Коллегия ОГПУ постановила освободить Свечина досрочно с разрешением свободно проживать по территории СССР⁵⁴. Свечину был возвращен ранее изъятый чемодан с книгами и перепиской⁵⁵. В местах лишения свободы Свечин провел почти год. 8 февраля 1932 г. ученый вышел на свободу, затем был восстановлен в армии и с 1 марта уже значился в распоряжении 4-го управления Штаба РККА. Смог он восстановиться и в академии. Можно сказать, что в начале 1930-х гг. Свечину «повезло». По одной из версий, освобождение его связано с тем, что после нападения Японии на Китай осенью 1931 г. советскому руководству понадобился специалист по японской армии, политике и стратегии⁵⁶. Эта версия объясняет дальнейшую его службу по линии военной разведки, хотя пока остается лишь версией.

Повторный арест в декабре 1937 г. решил участь Свечина. 29 июля 1938 г. по постановлению Военной коллегии Верховного суда СССР комдив Свечин был расстрелян как участник контрреволюционной организации. В 1956 г. его посмертно реабилитировали⁵⁷. По делу «Весна» он был реабилитирован в 1989 г.⁵⁸

Публикация материалов дела Свечина дает возможность заполнить лакуну в биографии выдающегося отечественного военного деятеля, его показания содержат интересные данные о взаимоотношениях в кругу бывших офицеров, оставшихся в СССР. Следственное дело Свечина вполне типично и напоминает аналогичные дела других бывших офицеров, арестованных по делу «Весна». Открывают дело достаточно объективные показания, касающиеся эпохи революции и Гражданской войны, 1920-х гг., взаимоотношений «бывших». Затем следуют признательные саморазоблачительные показания, где подследственный кается в принадлежности к организованному контрреволюционному подполью. Далее дело содержит показания на товарищей по службе, которые обвиняются в тех же проступках. Никаких документальных под-

А.А. Свечин в период ареста в 1938 г.
A.A. Svechin under arrest in 1938

тверждений контрреволюционных проявлений в деле не содержится. Материалы дела «Весна» свидетельствуют об одном из этапов процесса «закручивания гаек» советским руководством, взявшим курс на создание крупной индустриальной державы и искоренение малейших проявлений инакомыслия. В начале 1930-х гг. этот процесс еще не достиг своего апогея.

Примечания

¹ Подробнее о Теодори см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 40–64, 380–414. In detail on Teodori see: Ganin A.V. “*Mozg armii*” v period “*Russkoj Smuty*” [“Army brain” in “the Russian Turmoil”]. P. 40–64, 380–414.

² Речь идет о 4-м управлении Штаба РККА, которое занималось военной разведкой. [It is about the 4th department of the Staff of WPRM which was engaged in military intelligence].

³ Речь идет о донском атамане П.Н. Краснове. [It is about the Don ataman P.N. Krasnov].

⁴ Речь идет о генерале Н.Н. Головине и открытых под его руководством в эмиграции Высших военно-научных курсах. [It is about general N.N. Golovin and his Supreme military-scientific courses, opened in exile].

⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 23–26 (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 21–22). GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 23–26 (manuscript). Typescript (Ibid. P. 21–22).

⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 29–30 (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 27–28). GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 29–30 (manuscript). Typescript (Ibid. P. 27–28).

⁷ Там же. Л. 33–35 (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 31–32). Ibid. P. 33–35 (manuscript). Typescript (Ibid. P. 31–32).

⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 43–43об. (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 40–42). GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 43–43ob. (manuscript). Typescript (Ibid. P. 40–42).

⁹ Правильно, в Советской России [Correctly in Soviet Russia].

¹⁰ СССР еще не существовало [USSR didn't yet exist].

¹¹ Слово неразборчиво [The word is unclear].

¹² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 51–52об. (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 44–50). GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 51–52ob. (manuscript). Typescript (Ibid. P. 44–50).

¹³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 60. GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 60.

¹⁴ Предложение вычеркнуто [The sentence is deleted].

¹⁵ Правильно – осенью 1914 г. [Correctly – autumn 1914].

¹⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 60об. GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 60ob.

¹⁷ Здесь и далее правильно – Петрограде [Here and after correctly – in Petrograd].

¹⁸ Слово вписано черными чернилами позднее. Основной текст – синие чернила [The word is later entered by black ink. The main text – blue ink].

¹⁹ Так в документе, правильно – Альбера [Correctly – Albera].

²⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 60об. Правильно – де Люберсак, Жан – граф, офицер французской военной миссии в России в 1917–1918 гг., монархист, 27 февраля 1918 г. встречался с В.И. Лениным по вопросу организации борьбы с немцами. GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 60ob [Correctly – de Ljubersak, Zhan – the count, an officer of the French military mission in Russia in 1917–1918, the monarchist, on February 27, 1918 met V.I. Lenin concerning the organization of struggle against Germans].

²¹ Предложение вычеркнуто. Это упоминание см.: Свечин А.А. Искусство вожделения полка. – М., 2005. – С. 154 [The sentence is deleted]. This mentioning see in: Svechin A.A. *Iskusstvo vohzhenija polka* [An art of leading a regiment]. M., 2005. P. 154.

²² Слово зачеркнуто [The word is deleted].

²³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 62. GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 62

²⁴ Там же. Л. 62об. Ibid. P. 62ob.

²⁵ Там же. Ibid.

²⁶ Вероятно, речь идет о меньшевике М.И. Скобелеве [Possibly, it is about the Menshevik M.I. Skobelev].

²⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 62 об. GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 62ob.

²⁸ Абзац вычеркнут [The paragraph is deleted].

²⁹ Так в документе, правильно – адъюнкта [Correctly – junior scientific assistant].

³⁰ Свечин неточен, таких слушателей было несколько [Svechin is imprecise, there were several students].

³¹ Вычеркнуто после слов «с 1919 г.» [The text is deleted after “s 1919 g.”].

³² Вычеркнуто со слов «длительный стаж» [The text is deleted after “dlitel'nyj stash”].

³³ Со слов «причем предупредил» текст вычеркнут [The text is deleted after “prichem predupredil”].

³⁴ Со слов «после всяких» вычеркнуто [The text is deleted after “posle vsjakih”].

³⁵ Предложение вычеркнуто [The sentence is deleted].

²⁶ Со слов «разговор это» вычеркнуто [The text is deleted after “razgovor jeto”].

³⁷ Предложение вычеркнуто [The sentence is deleted].

³⁸ Предложение вычеркнуто [The sentence is deleted].

³⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 36–39 (рукопись), 61–63об (вторая редакция рукописи). Машинописный вариант (Там же. Л. 53–60). GASBU. F. 6. С. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 36–39 (manuscript), 61–63ob (second edition of the manuscript). Typescript (Ibid. P. 53–60).

⁴⁰ Там же. Л. 66–66 об. (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 64–65). Ibid. P. 66–66ob. (manuscript). Typescript (Ibid. P. 64–65).

⁴¹ В документе ошибочно – Шиферс. Речь идет о видном политработнике РККА А.Л. Шифресе (подробнее см.: Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 53–54) [In the document it is wrong – Shifers. It is about the prominent political worker of WPRA A.L. Shiftres] (for more details see: Cherushev N.S., Cherushev Ju.N. *Rasstreljannaja jelita RKKa (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im ravnye): 1937–1941. Biograficheskij slovar'* [The shot elite of WPRA (commanders of the 1st and 2nd ranks, komkor, divisional commanders and equal): 1937–1941. Biographic dictionary]. М., 2012. P. 53–54).

⁴² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 69–69 об. (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 67–68). GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 69–69 ob. (handwriting), Typescript (Ibid. P. 67–68).

⁴³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 71 (92). Л. 4, 10; Т. 74 (96). Л. 23. GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 71 (92). P. 4, 10; Vol. 74 (96). P. 23.

⁴⁴ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 47–48. GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 188 (219). P. 47–48.

⁴⁵ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 59. Л. 46–47. GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 59. P. 46–47.

⁴⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 31. GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 172 (231). P. 31.

⁴⁷ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 56. GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 74 (96). P. 56.

⁴⁸ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 70. GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 70.

⁴⁹ Кавтарадзе А.Г. Выдающийся офицер Генерального штаба. Вехи биографии А. Свечина. – С. 650. Kavtaradze A.G. *Vydajushhijja oficer General'nogo shtaba. Vehi biografii A. Svechina* [Outstanding general-staff officer. Milestones of the biography of A. Svechin]. P. 650.

⁵⁰ Свечин А.А. Предвзвещения и боевая действительность. – М., 2003. – С. 325. Svechin A.A. *Predrassudki i boevaja dejstvitel'nost'* [Prejudices and fighting reality]. М., 2003. P. 325.

⁵¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 70а. GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 70а.

⁵² Там же. Л. 90-92. Ibid. P. 90-92.

⁵³ Там же. Л. 71. Ibid. P. 71.

⁵⁴ Там же. Л. 73. Ibid. P. 73.

⁵⁵ Там же. Л. 72. Ibid. P. 72.

⁵⁶ Даниленко И.С. Японская тема в творчестве А.А. Свечина // Свечин А.А. Предвзвещения и боевая действительность. – М., 2003. – С. 16. Danilenko I.S. *Japonskaja tema v tvorchestve A.A. Svechina*. Svechin A.A. *Predrassudki i boevaja dejstvitel'nost'* [Japanese aspects of A.A. Svechin's creativity in: Svechin A.A. Prejudices and fighting reality]. М., 2003. P. 16.

⁵⁷ Отдельные документы следствия 1937–1938 гг., хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России, были опубликованы А.Г. Кавтарадзе (Постижение военного искусства. – С. 676–685) [Particular documents of 1937–1938 investigation, kept in the Central archives of FSS of Russia, were published by

A.G. Kavtaradze] (Postizhenie voennogo iskusstva [Comprehension of military art]. P. 676–685).

⁵⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 94–94 об. GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 66 (87). P. 94–94 ob.

Список литературы

1. Думби Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина. Дисс... к.и.н. – М., 2002. – 383 с.
2. Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. – М., 2013. – 408 с.
3. Постижение военного искусства. Идеиное наследие А. Свечина. – М., 2000. – 688 с.
4. Свечин А.А. Предвзвещения и боевая действительность. – М., 2003. – 368 с.
5. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. – М., 2000. – 496 с.

References

1. Dumbi Ju.F. *Voennaja i nauchnaja dejatel'nost' Aleksandra Andreevicha Svechina* [Alexander Andreevich Svechin's military and scientific activity]. Diss. k.i.n. М., 2002. 383 p.
2. Kokoshin A.A. *Vydajushhijja otechestvennyj voennyj teoretik i voenachal'nik Aleksandr Andreevich Svechin. O ego zhizni, idejah, trudah i nasledii dlja nastojashhego i budushhego* [Outstanding domestic military theorist and military leader Alexander Andreevich Svechin. About his life, ideas, works and heritage for the present and the future]. М., 2013. 408 p.
3. *Postizhenie voennogo iskusstva. Idejnoe nasledie A. Svechina* [Comprehension of military art. A. Svechin's ideological heritage]. М., 2000. 688 p.
4. Svechin A.A. *Predrassudki i boevaja dejstvitel'nost'* [Prejudices and fighting reality]. М., 2003. 368 p.
5. Tinchenco Ja.Ju. *Golgofa russkogo oficerstva v SSSR: 1930–1931 gody* [Golgofa of the Russian officers in the USSR: 1930–1931]. М., 2000. 496 p.

Сведения об авторах

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина», старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, г. Москва, Российская Федерация, andrey_ganin@mail.ru

About author

Ganin Andrey Vladislavovich, Dr. of History, editor of military history department, Russian history magazine “Rodina”; senior research fellow, Russian Academy of Science, Institute of Slavic studies, Moscow, Russian Federation, andrey_ganin@mail.ru